

Луань Чэн долго ломал голову, почему это написание какого-то фучжоу может вызвать неловкость. На следующее утро он хотел было расспросить бабушку, нет ли в этом амулете чего-то особенного, но когда проснулся, та уже уехала. Редкий случай, когда он решил подоспать подольше, и в итоге благополучно пропустил её отъезд.

Старушка встала ни свет ни заря и объявила сыну с невесткой, что поживет какое-то время у старой подруги. Такое случалось и раньше, поэтому Луань Хао и Чжао Юйфэнь, хоть и удивились спешке, мешать не стали. Супруги помогли собрать вещи, отец лично отвез её на вокзал и даже отправил своего помощника проследить, чтобы бабушку доставили прямо до места.

Только Луань Чэн знал истинную причину этого путешествия, но рассказать домашним не мог. Теперь он был уверен: в семье только он и бабушка видят Бай Ю и компанию. Мама и брат — точно нет. Что касается отца, тот призраков не видел, но в глубине души во всё это верил.

«Интересно, найдет ли бабушка Золотую цикаду в нефритовой чаше?» — Луань Чэн не на шутку переживал за её безопасность.

Встав и умывшись, он вертел в руках браслет, подаренный бабушкой. Как говорил Гу Цинхуай, защитных свойств в нем не осталось, но вещь была дорога как память. С той ночи, когда его окружил Сунь Сяо, Луань Чэн не расставался с этим талисманом. Сегодня он решил присмотреться к нему получше и заметил странное: персиковый мечик и нефритовая тыковка-горлянка будто начали возвращать цвет. Они уже не выглядели безжизненными, как сразу после того, как приняли на себя удар, а казались чуть более «живыми».

Спросить было не у кого, и он снова написал Гу: «Амулеты, принявшие на себя удар, могут восстанавливать энергию?»

Ответ пришел быстро: «Обычно это невозможно. А что?»

Луань Чэн: «Мне кажется, мои тыковка и меч немного посветлели. Вернусь — покажу».

Гу Цинхуай: «Угу».

Раз уж зашла речь об этом, Луань Чэн вспомнил про знак у себя в груди и спросил прямо: «Тот амулет внутри меня... это ведь ты его написал?»

Бабушка говорила: если мастер может писать Пурпурные амулеты, то со снятием заклятия проблем не будет. Гу подтвердил, что знает про снятие чар — не значит ли это, что он и есть автор того мощного Пурпурного знака?

На этот раз пауза затянулась. Наконец пришло: «Да».

Уголки губ Луань Чэна непроизвольно поползли вверх. Видя, что новых сообщений нет, Гу Цинхуай, видимо, почувствовал неловкость и сам сменил тему: «Чем сегодня занимаешься?»

— Помогаю маме по хозяйству. А ты? — Луань Чэн ответил голосовым. О магии они обычно переписывались текстом, а обычные бытовые вопросы обсуждали вслух.

— Ко мне сегодня гость должен прийти, — ответил Гу. — Буду ждать его дома.

— Ясно, тогда жди. А я пошел окна мыть, — Луань Чэн отправил стикер с надписью «Шеф ушел».

Он был в отличном настроении и не заметил странной интонации в голосе друга. Забрав у мамы тряпку, он с энтузиазмом принялся за работу. Чжао Юйфэнь глядела на сына и думала: «Надо же, девушки нет, а ходит сияет ярче любого влюбленного». Раньше она боялась, что плохой сон и стресс перед экзаменами вогнали его в депрессию, но теперь видела, что зря беспокоилась.

Луань Чжэ, который втихаря резался в приставку, увидев трудовой порыв брата, застыл от стыда и тоже схватился за тряпку. Братья работали слаженно: один тер изнутри, другой — снаружи магнитным скребком. Окна стали такими чистыми, что муха бы поскользнулась.

Когда закончили, мама улыбнулась: — Идите отдыхайте, я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Братья хором гаркнули: «Есть, мам!» — и тут же устроили потасовку за пульт от телевизора.

— Включай футбол! — Луань Чэн оказался быстрее.

— Какой футбол, гонки давай! — Луань Чжэ навалился на него сверху.

Они толкались и шумели, но со стороны было видно: это просто мальчишеская возня двух любящих братьев.

А вот в квартире Гу Цинхуа атмосфера была совсем иной. Тоже родные братья, но между ним и Гу Цинхэ не было и капли той теплоты, что у Луаней. Даже внешне они различались: Гу Цинхуай — высокий, статный, с холодным взглядом; Гу Цинхэ — ростом едва под метр восемьдесят, с обликом, который в народе называют «интеллигентный мерзавец». Один сидел на диване, другой стоял у стены. Гу Цинхуай даже не пытался подойти ближе. Он молча прикурил сигарету.

Гу Цинхэ заметно нервничал, ладони у него вспотели. Он то и дело озирался по сторонам, и эта суета полностью разрушала его образ элитного спеца в дорогом костюме. Он выглядел как мошенник, укравший чужую одежду, чтобы пролезть на банкет.

Ослабив галстук, он наконец выдал: — Ну как ты тут... привык один?

— Угу, — бесстрастно отозвался Гу Цинхуай.

— Смешной парень, — фыркнул Бай Ю, паря неподалеку. — Говорит так, будто Цинхуай когда-то был не один.

— Вот именно! — поддакнул Мин Юэ. — Лицемер, тошно смотреть.

Призрак «благородного господина» сердито дунул, и стакан с водой перед Гу Цинхэ с грохотом опрокинулся.

Гу Цинхэ вздрогнул, по коже пошли мурашки. Он потер плечи. Собирался сначала проявить заботу о брате, чтобы не злить его, но теперь ему было не до церемоний.

— Цинхуай, мама просила узнать, как продвигаются дела. Когда в семье... когда всё станет лучше?

— Не знаю, — отрезал Гу Цинхуай. — Я это не контролирую.

— Даже если ты не можешь это контролировать, разве это не связано с тобой? С твоими способностями разобраться с семьей Кан не должно быть так уж трудно, верно? — голос Гу

Цинхэ звучал не слишком уверенно.

Иногда он звонил младшему брату, чтобы узнать, как дела, но на самом деле эти звонки ничуть не сближали их. Они выросли порознь, в совершенно разной обстановке, и в их глубокую привязанность друг к другу никто бы не поверил. Просто сейчас семье Гу действительно была нужна помощь Цинхуая.

— Если верить словам господина Чунмина, твое время на исходе, — сказал Гу Цинхэ, подавляя внутренний трепет. — Поэтому отец и мать считают... не мог бы ты сначала разобраться с Канами, а потом... потом уже искать этого Цзю Ху, чтобы решить свои проблемы?

— Нет, — взгляд Гу Цинхуая мгновенно стал еще холоднее. — Я не так благороден и полон любви к ближним, как вы себе воображаете. Я не готов жертвовать своим "малым я" ради вашего так называемого "великого блага". Сейчас я просто хочу жить. К тому же, если меня не станет, какое мне дело до того, возродится семья Гу или нет?

— Как ты можешь так говорить?! Если бы не ты, семья Гу не скатилась бы до такого состояния! — Гу Цинхэ явно начал выходить из себя. — И какая тебе выгода от краха семьи? Тебе что, так тошно видеть нас успешными? Да, были причины, по которым мама тебя отослала, но нельзя же во всем винить только её! В конце концов, позже мы ведь пытались тебя принять!

— Принять? Ха. Это ты про то "принятие", когда весь дом заставили оберегами от злых духов? — Гу Цинхуай глубоко затянулся, но в этот момент у Гу Цинхэ зазвонил телефон.

— Мама, — Гу Цинхэ протянул трубку брату. — Поговори с ней.

Гу Цинхуай секунду колебался, но всё же взял телефон: — Алло?

— Цинхуай, ты нашел этого Цзю Ху? — голос Чжан Лицзяо, пропитанный нетерпением и раздражением, донесся из динамика. — Ты там уже столько времени, почему от тебя ни одной весточки?

— А какие новости ты хочешь услышать? — спросил Гу Цинхуай.

— По поводу этого Цзю Ху... я слышала, что его давно нет в живых. Раз так, возвращайся поскорее и разберись с семьей Кан. Они сейчас по всем фронтам давят на нас, бизнес твоего брата на грани краха. Ты же не собираешься просто смотреть, как семья Гу подает на банкротство?!

— Вот как? — та искра надежды, что теплилась в его серо-голубых глазах, когда он брал трубку, рассыпалась в пыль. Не осталось даже осколков. — Что ж, тогда подавайте.

— Что ты сказал?! — голос матери взлетел на октаву, став пронзительным и резким. — Гу Цинхуай, ты вообще соображаешь, что несешь?! Это что за отношение! Ты забыл, из-за кого семья Гу стала...

— У тебя есть еще вопросы? — Гу Цинхуай сбросил вызов, игнорируя поток брани, и повернулся к брату: — Если нет, можешь идти.

Он кивнул Мин Юэ: — Проводи гостя.

— С удовольствием, — Мин Юэ дунул ледяным ветром, распахивая дверь.

Гу Цинхэ мертвой хваткой вцепился в свою сумку и поспешил к выходу. То, что он не ушел на карачках, можно было считать верхом его самообладания.

— Пробыл здесь кучу времени, и ни одного искреннего слова заботы! Пришел с пустыми руками, даже не спросил, хватает ли Цинхуаю денег на жизнь. Думают только о своих шкурных интересах. Тоже мне, брат! — Мин Юэ, обычно добродушный, был вне себя от ярости. — Врагу не пожелаешь таких родственничков!

— Да он всегда таким был, не в первый раз, — хмуро бросил Бай Ю. — Семейка бесстыжих тварей, слов нет.

— Цинхуай, что думаешь делать дальше? — Мин Юэ подлетел к другу, видя его подавленное состояние. — Пусть бабушка Луань Чэна сказала, что Цзю Ху мертв, мы всё еще можем поспрашивать про Золотую цикаду. Есть идеи?

— Я хочу побыть в тишине.

Гу Цинхуай потушил сигарету и сел на диван, глядя в одну точку.

Бай Ю и Мин Юэ переглянулись и тихонько удалились во вторую спальню, чтобы не мешать.

— Так и хочется вытянуть из этой Чжан Лицзяо всю жизненную энергию!» — прошипел Мин Юэ, как только дверь закрылась. — Как земля носит такую хладнокровную мамашу!

— Не делай вид, будто отец у него лучше. Одного поля ягоды, — отозвался Бай Ю. — И что теперь? У Цинхуаю снова настроение на нуле.

— Да, после встреч с семьей он всегда сам не свой, — задумался Мин Юэ. — Может, позовем Луань Чэна? Когда Цинхуай с ним, он обычно в духе. Заметил? Он почти никогда не улыбается другим, но с Луань Чэном всё иначе.

— Тогда айда к Луаням! — Бай Ю похабно осклабился. — Заодно и амулет этот для снятия чар напишет. Делом займется — и злиться перестанет.

— Можно и здесь написать, так удобнее, — Мин Юэ подозрительно прищурился на Бай Ю. — Ты в гости к Луань Чэну хочешь только ради того, чтобы пожрать на халяву, признайся?

— Наглый поклёп! Я что, по-твоему, такой призрак?! — тут же возмутился Бай Ю. — Сяо Юэлян (Маленькая Луна), ты слишком плохо обо мне думаешь! (На самом деле он именно об этом и мечтал — заодно покормиться вкусненьким).

— Ладно, ладно, извини, — Мин Юэ вспорхнул к двери, раздумывая, как бы стянуть телефон Гу Цинхуаю и написать Луань Чэну. Но тот как раз сам крутил смартфон в руках.

Гу Цинхуай ничего не делал — просто бесцельно листал экраны приложений туда-сюда. Мин Юэ заглянул через плечо: парень просто тыкал в иконки в полном прострации.

— Может, сходим погулять? — обеспокоенно предложил Мин Юэ.

Гу Цинхуай покачал головой.

На самом деле он не любил выходить на улицу. Нужно было брать зонт. В дождь еще куда ни шло, но в солнечную погоду парень с зонтом выглядел нелепо, и Гу Цинхуай порой смертельно уставал от этой необходимости. Он не любил косые взгляды, хотя и научился их игнорировать.

Мин Юэ попытал удачу снова: — Тогда, может, навестим Луань Чэна?

Гу Цинхуай помедлил, но снова отказался.

Редкие выходные, пусть Луань Чэн побудет со своими близкими. Хоть Гу и был у него всего раз, он видел, насколько теплая там атмосфера. Семья Луань была настоящей семьей. Не то что у него: старшие ушли, оставшиеся грызутся за наследство и думают только о выгоде — сплошной разброд и шатания.

Тут Бай Ю робко вставил: — Цинхуай, неужели тебе не хочется острой рыбки?

Гу Цинхуай молча взглянул на него и заказал доставку.

Бай Ю: «...» Он вообще-то не это имел в виду!

Гу Цинхуай сварил рис, и они с Бай Ю принялись за доставленную рыбу. Три дня. На завтрак — острая рыба, на ужин — острая рыба. Гу Цинхуай ел безвкусно и спокойно, а вот Бай Ю уже выл. Покупная рыба была слишком жирной и тяжелой, совсем не то, что готовила мама Луань Чэна! Бай Ю чувствовал: не будь он бесплотным духом, у него бы уже весь рот был в язвах от такой диеты.

Перед обедом в последний день каникул Бай Ю не выдержал и проникновенно сказал:

— Цинхуай, дружище, давай сегодня сменим блюдо, а? Пожалуйста.

И на обед Гу Цинхуай заказал мясо в остром соусе.

Бай Ю: «...»

Когда раздался звонок в дверь, призрак был готов лично вылететь и напугать курьера до икоты. Но стоило Гу Цинхуаю открыть дверь, как все гневные мысли улетучились. На пороге стоял парень с пакетами еды, но это был не курьер!

— Луань Чэн? Ох, слава богам! — Бай Ю в восторге описал пару кругов вокруг гостя. — Наконец-то ты вернулся!

— Почему так рано? — Гу Цинхуай тоже был заметно удивлен. Луань Чэн говорил, что обычно приезжает в день учебы рано утром.

— Да дома делать нечего, бабушка уехала. Мама решила поехать с отцом в его командировку, наготовила кучу всего и велела тебе завезти. Ты ел? Если нет, давай обедать вместе, — Луань Чэн приподнял два тяжелых пакета. — Тут говядина в соусе, острые кальмары, стручковая фасоль... А, еще фруктов гора, половину тебе оставлю.

— У меня как раз рис готов, подожди минуту, — ответил Гу Цинхуай. — Ты привез столько, что и на ужин хватит.

— Вот и славно, — Луань Чэн не стал чиниться, вымыл руки и принялся расставлять еду на столе.

Обстановка у Гу Цинхуая была куда солиднее, чем в его 401-й: всё под рукой, стулья удобные, да и кухня укомплектована по полной.

— Всё забываю спросить, ты снял квартиру уже с мебелью и техникой? — любопытствовал

Луань Чэн.

Он заходил сюда уже не раз, но только сейчас задумался: вряд ли хозяин стал бы так упаковывать жилье под сдачу.

— Технику и мебель докупал сам, кухонную утварь тоже, — ответил Гу Цинхуай. — Всё равно потом пригодится, так что выбирал то, что нравится.

— Ну ты и богатей... Это же сколько мороки будет при переезде?

— В девяти случаях из десяти переезжать не придется. Так что, пока жив, не стоит себя слишком обделять, — Гу Цинхуай протянул другу палочки. — Спасибо тебе, снова объедаюсь вкусностями.

— Да брось. Но у тебя тут и правда уютно. Посидишь у тебя, а потом поднимаешься к себе — и такое чувство, будто в бетонную коробку вернулся.

— Уж не намекаешь ли ты, Сяо Луань-Луань, что хочешь переехать к нам? — хохотнул Бай Ю.
— Ох, какая нескромность!

— Заткнись! Был бы ты скромным — не жрал бы! — Луань Чэн в шутку отодвинул тарелку, которую наполнил специально для призрака. — Ешь свой рис.

— Нет-нет-нет! Боги мои, я три дня давился этой острой рыбой! Если не сменю вкус — я просто свихнусь! — Бай Ю в панике закружил вокруг стола. — Добрый Луань Чэн, смилуйся!

— Почему три дня одна рыба? — нахмурился Луань Чэн. — Не надоело?

— Конечно, надоело! До смерти! Но кое-кто упорно заказывал именно её, потому что это любимое блюдо одного человека... Ой-ой... Ай!!! — Бай Ю впечатало в стену невидимым импульсом.

— Привередничать вредно, — невозмутимо сказал Гу Цинхуай. — Я не знал, что ты придешь, и заказал мясо в остром соусе. Сейчас выловлю оттуда весь перец и отдам ему.

— За что?! — взвыл Бай Ю.

— Мясо чур моё, — вставил Луань Чэн.

— Идет, а я съем овощи, — только Гу это произнес, как раздался стук в дверь.

Принесли заказ.

Гу Цинхуай сдержал обещание: он заботливо выудил весь жгучий перец и даже не поленился выловить ложкой горошины сычуаньского перца, сгрузив всё в миску Бай Ю. Тот, глядя, как Мин Юэ и двое «мелких паршивцев» уплетают ароматное мясо, чуть не плакал от обиды.

В конце концов, Луань Чэн сжалился над несчастным духом и подложил ему несколько ломтиков говядины и других овощей.

— Что и говорить, Луань Чэн, ты — святой человек! — Бай Ю мгновенно сменил сторону. — А Цинхуай в последнее время совсем испортился!

— Если бы я не «испортился», я бы не знал, какой ты неблагодарный, — парировал Гу. —

Стоило дать подачку, и ты сразу предал. Никаких принципов.

— Почему это никаких? Мой принцип — «кто кормит, тот и мать»! — Бай Ю глянул на Луань Чэна. — Верно ведь?

— Верно... Верно по лбу! Сам ты мать! — Луань Чэн снова придвинул миску к себе. — Лучше вообще молчи. С твоим языком только язвить, а не есть!

— Пха... — Гу Цинхуай не выдержал. — Замолчите оба, у меня от смеха уже желудок болит.

— Терпи! — огрызнулся Луань Чэн с покрасневшими ушами. — А то нарисую тебе пару таблеток от желудка!

— Ты мне еще за тот раз задолжал, — напомнил Гу. — Когда рисовать будешь?

— Как доем.

(Примечание: «Нарисовать» в данном контексте — сленговое выражение, означающее «надавать тумаков» или поставить синяк)

Луань Чэн в несколько заходов уничтожил рис и, не стесняясь, положил себе добавку. В итоге они вдвоем под чистую опустошили кастрюлю.

После еды обоим не хотелось даже шевелиться. Они развалились на диване, как два сытых кота.

Тут Луань Чэн внезапно вспомнил: — Кстати, сосед, так что там с этим «амулетом снятия заклятия»? Его трудно рисовать?

Умиротворенное выражение лица Гу Цинхуая мгновенно сменилось странным замешательством, а уши подозрительно заалели.

Он бросил взгляд на Луань Чэна и произнес: — Нарисовать-то не очень трудно. Но проблема в том, что на тебе сейчас Пурпурный амулет защиты. Обычное заклятие снятия не сработает — защита его просто вытолкнет. Чтобы снять твой «Запрет на духовную силу», придется... кхм... рисовать в двух местах. На лбу, между бровей, и на груди.

— Меж бровей и на груди? — Луань Чэн почесал затылок.

Это что же, сидеть перед ним с закрытыми глазами и задраным лицом, как на макияже? Стало как-то... неловко.

— Придется снять футболку, — добавил Гу Цинхуай, нарочито глядя в окно. — И рисовать я буду не кистью, а пальцами.

Луань Чэн: — ...

Атмосфера в комнате внезапно стала густой и тягучей.

Луань Чэн вспомнил слова Бай Ю по телефону: «Ему неловко...» Еще бы! Тут кому угодно станет неловко!

— А можно не снимать? — спросил Луань Чэн. — Что этот запрет вообще запрещает? Может, ну его?

Гу Цинхуай повернулся к нему: — Запрет на духовную силу — это печать, сковывающая врожденный дар. Можно и не снимать. Но раз бабушка велела, значит, в этом есть смысл. Обычно после снятия проявляются особые способности. Например, открывается «третий глаз», способность видеть прошлое или возможность «вынашивать» артефакты, наполняя их силой и... — он помедлил. — Ты ведь говорил, что твои тыковка и меч начали восстанавливаться?

— Ну да. Смотри, — Луань Чэн перебросил ему безделушки через столик. — После того раза они совсем потускнели, а сейчас будто оживают.

— Действительно, — Гу Цинхуай признал, что случай уникальный.

Он никогда не видел, чтобы утративший силу оберег восстанавливался сам по себе. Энергия была слабой, но она ощущалась — совсем не то состояние, что раньше.

— Слушай, а вдруг в моем теле есть какая-то энергия, способная питать такие вещи? — Луань Чэн загорелся идеей. — Если это правда, может, я смогу помочь тебе... подпитывать твою душу?

— А ведь точно! — Бай Ю, наострив уши, подлетел ближе. — Вдруг запрет как раз и сдерживает эту силу?

— Вряд ли, — засомневался Гу. — Если бы это было так, зачем бабушке искать Золотую цикаду? Просто попросила бы тебя.

— А вдруг она сама до конца не уверена? — предположил Мин Юэ. — В любом случае, стоит попробовать.

— Да, давай! — поддержал Бай Ю. — Вдруг сработает? Тогда и цикаду искать не придется!

— Ладно, сосед, — Луань Чэн решительно выпрямился. — Считаю, что ты мой визажист. Начинай.

— Уверен?

— Абсолютно. Сколько это займет времени?

— Минут пять на всё про всё, — Гу Цинхуай пошел мыть руки, а затем достал тот самый деревянный ящичек, который использовал для ритуального вина. — Когда я начну, нельзя прерываться. Если связь разорвется, амулет не подействует или сработает криво. Так что, пока я рисую, постарайся не разговаривать.

— Понял, — Луань Чэн негромко кашлянул. — Может, мне сесть на стул? Так тебе будет удобнее?

— Не нужно, здесь вполне сойдет.

— О. — Луань Чэн послушно закрыл глаза.

Гу Цинхуай: — ...Ты футболку еще не снял.

Луань Чэн резко распахнул глаза: — А нельзя сначала нарисовать меж бровей, а потом я сниму?

Гу Цинхуай, чьи пальцы уже были испачканы чем-то, напоминающим киноварь, ответил: —

Тогда связь прервется.

Луань Чэн: — ...

Черт, это же просто максимально... НЕ! ЛОВ! КО!

Мин Юэ потянул Бай Ю за рукав: — Может, нам стоит выйти?

Бай Ю ехидно отозвался: — Да-да-да, валим отсюда!

Их комментарии только подлили масла в огонь.

Луань Чэну было и снимать неловко, и не снимать глупо. Гу Цинхуай не торопил его, просто держал руку наготове и ждал.

Видя, что Луань Чэн замер, он предложил: — Ну, хочешь — еще подумай.

Луань Чэн стиснул зубы: — Не надо! Подожди секунду.

Раздеваться прямо перед Гу Цинхуаем было выше его сил. Вообще-то, когда они с пацанами играли в баскетбол и становилось слишком жарко, он спокойно скидывал майку, и в этом не было ничего особенного. Но сейчас, вот так нарочито, с глазу на глаз с одним лишь Гу Цинхуаем... он почему-то чувствовал себя ужасно скованно.

Луань Чэн юркнул в ванную, стянул футболку, посмотрел в зеркало и... снова её надел. Тут же обругал себя за нерешительность и стянул опять. Внимательно оглядел свой торс: ну, в принципе, форма неплохая...

Твою мать! Луань Чэн, ты что, с ума сошел?! О чем ты вообще думаешь?!

С мыслью «была не была» он с грохотом распахнул дверь ванной и, засунув руки в карманы джинсов с напускным безразличием, уселся на диван под пристальным взглядом Гу Цинхуая.

Взгляд Гу следовал за ним до самого дивана, а когда Луань Чэн сел, тот с улыбкой обронил: — Хорошая форма.

При росте метр восемьдесят пять без белой футболки Луань Чэн остался в одних светлых джинсах. О такой фигуре мечтали многие парни его возраста: широкие плечи, узкая талия, длинные ноги. Благодаря ежедневным пробежкам и привычке играть в мяч, мышцы были рельефными, но не перекачанными — в самый раз. Правда, сейчас Луань Чэн выглядел ужасно зажатым. Лицо застыло каменной маской, зато уши пылали, как спелые помидоры.

Он сидел на диване и слегка пнул Гу Цинхуая носком ноги:

— Долго еще паяться будешь? Рисуй давай!

Гу Цинхуай ответил: — Я бы рад, но ты можешь хоть немного расслабиться? А то такое чувство, будто я тебя к чему-то принуждаю.

Луань Чэн кашлянул: — Понял.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку дивана и, чтобы отвлечься, принялся бормотать под нос классический текст: — «Циньский гун Сяо, опираясь на неприступность гор Сяо и реки Хань, владея землями области Юн, вместе со своими министрами твердо оборонял их, выжидая часа

заката дома Чжоу. Он лелеял мечту свернуть под свою власть всю Поднебесную, охва... охва...»

Гу Цинхуай негромко рассмеялся, продолжая цитату: — «...охватить всё сущее в мире, включить в свои владения четыре моря и поглотить земли восьми диких сторон. В то время ему помогал Шан Ян, который внутри страны установил законы, поощрял земледелие и ткачество, готовил средства защиты и нападения, а вне страны заключил союзы, чтобы стравить между собой князей. И тогда люди Цинь без труда овладели землями за рекой Сихэ».

Его палец коснулся межбровья Луань Чэна: — Всё, начинаю рисовать. Не разговаривай.

Луань Чэн: — Угу.

Подушечка пальца Гу Цинхуая была чуть прохладной. Сердце Луань Чэна на миг пропустило удар, но он послушно замолчал. В комнате стало так тихо, что, казалось, можно было услышать биение сердец — своего и чужого.

Луань Чэн вдруг осознал, что никогда раньше не вступал в подобный контакт с кем-либо. Он полуобнажен, а кто-то находится в считанных сантиметрах от него. Этот человек видит каждую его эмоцию, включая, несомненно, и его жуткое смущение. Ужасно неловко.

Луань Чэн почувствовал, как Гу Цинхуай трижды легко коснулся пальцем точки между бровей, а затем начал выводить узор. Трудно было сказать, чего в этом ощущении больше — щекотки или приятной прохлады. Но, честно говоря, это было даже здорово и как-то успокаивающе.

Гу сосредоточенно вывел сложный знак, после чего его палец плавно скользнул по переносице Луань Чэна вниз, миновал губы, коснулся кадыка и спустился к груди. Пульс Луань Чэна резко подскочил, ладони вспотели. В то же время он отчетливо почувствовал, как палец Гу Цинхуая стал заметно теплее. Дыхание Гу тоже изменилось — оно стало горячим, обжигающим кожу.

Но он не останавливался. Луань Чэн начал паниковать, потому что в этой странной, почти интимной атмосфере его тело предательски отреагировало. Он чувствовал, что его «младший брат» пришел в крайнее возбуждение — как молодой жеребенок на сочном лугу, он рвался на волю, стремясь к какой-то желанной цели.

«Держись!» — приказал себе Луань Чэн. Он чувствовал, что силы на исходе. Надо же было умудриться превратить рисование амулета в нечто настолько эротичное!

Но, по правде говоря, Гу Цинхуаю тоже приходилось несладко. Луань Чэн сидел с закрытыми глазами и не видел, что Гу тоже едва сдерживает самообладание.

Гу Цинхуай не мог отрицать: Луань Чэн сейчас был для него чертовски притягателен. Тело Луаня было горячим, и в местах касаний Гу казалось, что он трогает огонь. Луань Чэн был воплощением жизни и бьющей через край энергии, а для человека, привыкшего к эмоциональному штилю, это был мощнейший удар по чувствам.

Наконец, палец Гу Цинхуая замер.

Луань Чэн спросил: — Всё?

Палец не двигался, но и не уходил. Луань Чэн не решался открыть глаза.

Гу Цинхуай ответил: — Нет, подожди еще немного.

Его палец снова пришел в движение, вычерчивая на груди Луань Чэна новый знак. Луань Чэн не разбирался в тонкостях и решил, что это всё еще продолжается снятие заклятия. Он ждал до тех пор, пока палец Гу не оторвался от его кожи, и только тогда рискнул открыть глаза.

Гу Цинхуай уже стоял к нему спиной, убирая деревянный ящичек. Луань Чэн опустил взгляд и увидел свое светящееся тело и... своего «младшего брата», который еще не успел успокоиться.

Он поспешно скрестил ноги и с быстротой молнии натянул футболку!

— Я сначала поднимусь к себе! — бросил он, пока Гу Цинхуай еще не обернулся.

— Угу, — тот не стал его задерживать.

И Луань Чэн, «топ-топ-топ», умчался прочь, прямо в домашних тапках Гу Цинхуая. Гу Цинхуай посмотрел на стоящую у порога новую пару кроссовок — белых с салатовыми полосками — и наконец не выдержал: прижал кулак к губам и издал короткий смешок, пытаясь скрыть искреннюю, довольную улыбку.

«Надо же, засмутился. Забавный».

<http://bllate.org/book/16943/1574753>